

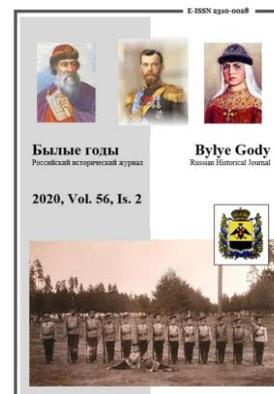
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 595-603. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.595
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Historical Stereotypes of Foreign Travelers about Russia of the XIXth century

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Larisa F. Malyutina ^a,
Lyudmila V. Belgorodskaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Principles of mental interaction of Russia as one of the powerful states of XIXth century with western countries form the foundation of issues that are being reviewed in this article. Throughout the study it was uncovered that the characteristics of dialogue were largely predefined by stereotypes that formed in the conscience of Europeans back in previous centuries. Realities of XIXth century only made foreigners more confident in their correctness. Viewing Russia as uncivilized, savage and barbaric country was predefined, first and foremost, by the political order of the country. Autocratic power, serfdom, absence of legal culture – these factors, in the minds of foreigners, were enough of a basis to treat Russia and an uncivilized country. To verify these conclusions, the article uses statements and expressions of foreign travelers and writers, who visited Russia in the XIXth century. With various degrees of loyalty to the existing regime, they were unanimous in evaluating Russia as a second-grade country, having nothing of their own, only blindly copying the achievements of western culture. This, however, did not prevent them from treating the simple folk compassionately, acknowledging its talents and believe that someday it will liberate itself from its slavish obedience. Analysis of contemporary foreign studies on Russia, conducted by the authors, shows that perception stereotypes about our country, which formed in the XIXth century, are long-lasting and of stable nature. To change their vector in a desirable direction that is positive for us is one of the important tasks for the society of Russia, and it must be solved to set up constructive dialogue for the purposes of our personal safety and stable development.

Keywords: Russia, Europe, Siberia, foreigners, travels, civilization, dialogue, stereotype, culture.

1. Введение

Понять и осмыслить собственную идентичность народам помогает взгляд со стороны представителей другой культуры. Это связано, прежде всего, с тем, что представление о собственной культуре может складываться и изменяться под воздействием внешних факторов. Именно на основании восприятия различных культур друг другом устанавливаются принципы взаимодействия, а в массовом сознании складываются представления о самоидентификации. На восприятие России европейскими государствами влияли многие факторы. Ее образ формировался в результате личных впечатлений иностранцев, посетивших страну в качестве путешественников, иммигрантов или гастарбайтеров. Писатели-иностранцы делились своими впечатлениями в очерках, статьях, художественных произведениях, которые становились доступными массовому зарубежному читателю. Наконец, сами русские рассказывали иностранцам о себе и своей стране. Все вместе это способствовало складыванию массового социального стереотипа в восприятии одной культуры другой. Однако образный стереотип, составленный на основе сведений, полученных опосредованным путем, далеко не всегда соответствовал объективной реальности. Если единство Западной Европы во

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina)

всем ее многообразии признается большинством креативного класса, то вопрос, является ли Россия частью Европы не в географическом, а в историко-культурологическом плане, обсуждается уже не одно столетие. Он не снят с повестки дня до сих пор. Различие в ценностных ориентирах России и Европы способствовало формированию культурно-психологической дистанции между ними. Таким образом, действуя как на сознательном, так на неосознанном уровнях, стереотипы формировали модель межкультурного взаимодействия. Анализ представлений иностранцев о России, сложившихся в XIX в., позволит на более глубоком уровне осмыслить последующие интеркультурные отношения.

2. Материалы и методы

Для освещения данной темы в качестве источников были использованы документы РГИА, государственных архивов Красноярского края, Томской области, а также воспоминания, путевые заметки, письма, художественные произведения иностранцев, посетивших Россию в XIX в.

При рассмотрении и анализе источников применялись общенаучные методы синтеза, анализа и обобщения. Использование историко-биографического метода позволяет представить XIX в. через призму его восприятия людьми той эпохи. Сравнительно-исторический метод дал возможность сравнить представления о России, сложившиеся о ней у различных представителей зарубежной культуры. Изменение образа России с течением времени в восприятии иностранцев позволяет проследить проблемно-хронологический метод. Метод историзма дает возможность выявить влияние социально-политических процессов на формирование образного стереотипа России среди иностранцев.

3. Обсуждение

Проблема формирования и влияния стереотипов на установление и развитие отношений между разными типами культур актуализировалась в новое время в связи с расширением коммуникативных возможностей. Особую ценность при рассмотрении данного вопроса приобретают книги, воспоминания, путевые заметки, письма людей, которые сами посещали Россию в XIX веке. Большой интерес в этом плане представляют книги А. Кюстина ([Кюстин, 1990](#)) и А. Дюма ([Дюма, 1988](#)), путевые заметки О. Бальзака ([Бальзак, 2002](#)) и А. Дюма ([Дюма, 2009](#)), письма Стендаля ([Стендаль, 1959](#)), исследования Сибири Д. Кеннана ([Кеннан, 1999](#)). Важные сведения о создателях этих произведений, позволяющие понять степень объективности, лояльности или, напротив, предвзятости авторов, содержат книги и журнальные статьи современных исследователей. Интересные биографические сведения о А. Дюма и О. Бальзаке содержат книги А. Моруа ([Моруа, 1986](#); [Моруа, 1988](#)). О связях А. Дюма с Россией рассказывается в статье С. Дурьлина ([Дурьлин, 1937](#)). Пребыванию Стендаля в России посвящены статьи Д. Харламовой ([Харламова, 2011](#)), А. Ощепкова ([Ощепков, 2010](#)). Россия XIX века через призму ее восприятия Бальзаком показана в статье А. Ощепкова ([Ощепков, 2011](#)). О роли книг шотландского путешественника Д. Белла в формировании определенного образа России и Сибири можно узнать из статьи М. Останиной ([Останина, 2019](#)). Представления о России в общественном мнении Франции XVII–XIX вв. проанализированы в книге Т.В. Партаненко и В.А. Ушакова ([Партаненко, Ушаков, 2006](#)). Формированию образа России на материалах англо-американских энциклопедий посвящена монография Л.В. Белгородской ([Белгородская, 2006](#)). Различные культурные и социальные аспекты, вопросы взаимодействия между культурами освещены в коллективной монографии «Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления» ([Российская империя, 2004](#)). Интерес к России проявляется и со стороны современных зарубежных исследователей. Анализируя прошлое страны, авторы пытаются уловить взаимозависимость происходивших в ней процессов и обосновать их влияние на формирование образного восприятия страны. Французский историк Ж. Соколофф подверг подробному анализу труд Кюстина, оказавший, по мнению автора, большое влияние на отражение российских реалий во французском общественном мнении XIX в. ([Соколофф, 2008](#)). Английский исследователь Дж. Хоскинг рассматривал общественно-политическое устройство России в качестве важнейшего фактора российской политики и, соответственно, восприятия страны иностранцами ([Хоскинг, 2003](#)). Поискам Россией своей идентичности посвящен труд Д. Биллингтона ([Биллингтон, 2006](#)).

Научное и литературное наследие, посвященное истории культурных взаимоотношений, дает нам возможность понять себя, определиться со своей идентичностью и выстроить культурные отношения на новой взаимоприемлемой основе.

4. Результаты

Россия, являясь могущественным государством XIX в., естественным образом была вовлечена в общеевропейские процессы. Именно в это время происходили значительные изменения в процессе самосознания как внутри российского общества, так и в восприятии России европейскими державами. Колоссальную роль в этом сыграло такое грандиозное историческое событие начала XIX в., как война с Наполеоном. Опыт, полученный в ходе боевых действий на российской земле, а затем триумфальное шествие по Европе позволили по-новому взглянуть на себя всем слоям российской общественности, а Западу – по-новому оценить возможности России. В основе поиска

своей национальной самоидентификации в России XIX в. лежит также уверенность в своей богоизбранности, которую народ заслужил, испытав многочисленные страдания в борьбе за выживание. Как считал Н.Я. Данилевский, только успешное противостояние как Западу, так и Востоку могло помочь России сохранить свою идентичность, осознание которой позволяло стране вести диалог с Западом на равных.

Определенный образ России в сознании иностранцев сложился еще до начала XIX в. Большую роль в этом сыграли путевые заметки английского путешественника Джона Белла, посетившего в XVIII в. несколько раз Российскую империю и Сибирь, которую он рассматривал как территорию, лишенную свободы и далекую от цивилизации. Его заметки, содержавшие богатый этнографический материал, получили высокую оценку современников. Они выдержали 13 изданий на разных языках и сыграли значительную роль в формировании представлений европейцев о России (Останина, 2019: 572).

Благодаря трудам Белла при описании Сибири, а затем и России в целом, исследователями и путешественниками начинает использоваться понятие «цивилизованность». По всей видимости, стандартом цивилизации являлась Европа. Степень же удаленности от этого стандарта определяла уровень развития цивилизации той или иной культуры. Идея эта закрепляется в публикациях XIX в., когда культурные отношения между странами начинают развиваться наиболее интенсивно. Во многом представления европейцев о России складывались благодаря печатным изданиям. Так, большой популярностью в начале века пользовались публикации Альфонса Рабба, посвященные российской истории. Предвзятое отношение автора к России и отсутствие объективного подхода не позволяют рассматривать его произведения в качестве серьезных источников. Россия, по мнению Рабба, это страна варварская и дикая, и даже «татары превосходят русских в уме, гордости и хороших социальных привычках» (Российская империя, 2004: 223). Свободолюбивый народ Франции он противопоставлял русскому народу, которому присуща психология рабства. Публикации Рабба явились благодатной почвой для обоснования своей предвзятости у людей, испытывавших к России стойкие негативные чувства.

Сложившееся негативно-стереотипное представление о России положительно оценивал Стендаль. Знаменитый французский писатель принимал участие в кампании 1812 года. Он служил при генеральном интенданте армии Наполеона и по делам службы ездил по разным городам, был свидетелем сражения под Бородином и переправы через Березину. Причины и цели пребывания, безусловно, оказывали влияние на восприятие писателем тех событий, свидетелем которых он являлся. Уже то, что Стендаль воевал на стороне врагов России, предопределяло его негативное отношение к стране и ее народу. Стендаль не посвятил России романов или повестей. Наиболее полное представление, сложившееся у него о стране, дают письма к различным адресатам. В августе 1812 г. он писал Ф. Фору, что «увидел океан варварства», в котором «все грубо, грязно, зловонно и в физическом, и в моральном отношении» (Стендаль, 1959: 108). В другом письме он писал о «невывлазной грязи» российских дорог, из-за которой каждый день французы «проводили два или три часа в грязной канаве в полнейшей беспомощности». Стендаль подводит своеобразный итог своим впечатлениям: «Вот когда я проклял свою глупую мысль поехать в Россию» (Стендаль, 1959: 128). Пожалуй, единственным светлым воспоминанием о России была Москва, которой он был очарован, а горькое сожаление вызвал пожар первопрестольной столицы. Касается писатель и системы управления в России, утверждая, что «русская власть – это своеобразный вид восточной деспотии» (Стендаль, 1959: 124). Здесь вновь проявляется устойчивый стереотип, сложившийся в западноевропейском сознании, когда либеральные ценности Запада противопоставлялись дикому варварству России.

О России за всю ее историю было опубликовано много трудов, написанных иностранцами. Но мало какие из них по своей популярности и интересу, проявленному к ним, могли бы сравниться с воспоминаниями Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Они подкупают читателя прежде всего своей честностью, трезвостью суждений. Автор не поступался своими моральными принципами в угоду чьим-либо интересам. И если он заблуждался в оценке кого-либо или чего-либо, то эти заблуждения носили искренний характер. Приехав в Россию последовательным монархистом, под влиянием увиденного он кардинально изменил свои политические убеждения.

В России Кюстину оказали радушный прием с целью произвести на него как можно более благоприятное впечатление. В ответ от него ожидали хвалебной книги в адрес правящей династии и лично Николая I. В глазах европейцев Россия была воплощением деспотизма. Записки же Кюстина, воздействуя на общественное мнение, должны были поколебать эти убеждения. Но определенное предубеждение о России сложилось у него еще до приезда. Маркиз ожидал увидеть здесь рабское мышление, а также самоунижение, перемешанное с надменностью (Кюстин, 1990: 48). Первое же столкновение с российской действительностью укрепило его в верности своих предположений. На таможне он увидел истощенных и плохо одетых матросов, которые на его взгляд «позорили свою родину» (Кюстин, 1990: 64). Оскорбительным было для него и то, что на таможне были изъяты все книги, которые он вез с собой. По уже сложившейся традиции в своих рассуждениях о России Кюстин повторял устоявшийся стереотип о том, что Россия во всем копирует Европу и в цивилизационном плане от нее отстает. На этом основании он отводил России второстепенную роль среди европейских держав, порицая

в русских «притязание казаться теми же, что и мы» и считая, что «они еще совершенно не культурны» и «по-обезьяньи» подражают «другим нациям». Кюстин полагал, что Россия – это страна фасадов, где есть названия для всего, «но ничего нет в действительности». Он отмечал отсутствие врачей и неразвитость русской медицины, рекомендуя в случае болезни в России представить, «что вы очутились среди дикарей, и предоставить все природе», но не звать русского врача (Кюстин, 1990: 92, 94). И таких скоропалительных обобщений в тексте немало. Подобные высокомерные заявления маркиза звучат оскорбительно для большинства россиян. Но следует признать, что во многом маркиз был прав: например, когда писал о русском деспотизме, о России как стране, «где отсутствует правосудие», о лицемерии власти, отменившей смертную казнь, заменив ее сотней ударов кнута, когда под третьим или четвертым ударом приговоренный погибает (Кюстин, 1990: 156).

Кюстин искренне пытался понять характер русского народа, но для иностранца, путешествовавшего в карете и не вступавшего в непосредственный контакт с его представителями, это оказалось весьма затруднительно. Незнание русского языка также осложняло ситуацию. Маркиз отмечал поголовное ослепление русского народа своим рабством (Кюстин, 1990: 72), полагая, что «за границей не удивляются уже любви русского народа к своему рабству» (Кюстин, 1990: 71). Насилие, с проявлением которого он сталкивался повсюду, возмущало его, но больше он недоумевал от отсутствия протеста и со стороны власти, и со стороны самого потерпевшего. Отсутствие свободы, по его мнению, являлось главной проблемой России. Его возмущало, что людьми торгуют, как вещами. Маркиз постоянно испытывал страх за свою личную свободу, боялся, что в случае обнаружения дневника его отправят в Сибирь. И только на границе он вздохнул свободно. «Я могу говорить, я могу писать, что думаю!.. Я свободен! – восклицал я про себя» (Кюстин, 1990: 315). На основании увиденного и услышанного Кюстин приходит к заключению, что долготерпение народа не вечно, «не пройдет и 50 лет», как «в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор» (Кюстин, 1990: 93). И «месть народа будет тем более ужасна, что он невежествен и исключительно долготерпелив» (Кюстин, 1990: 253).

Несмотря на вполне определенный образ России, сложившийся в воображении иностранцев, отношение к тому, что происходит в стране, у них могло быть совершенно разным. Оноре де Бальзак, посещавший Россию несколько раз примерно в то же время, что и Кюстин, не находил ее положение столь уж удручающим. Напротив, он даже упрекал маркиза в недоверном изображении России, которой посвятил очерк «Письмо о Киеве» (Бальзак, 2002: 4). Не согласен был Бальзак и с мнением о России Стендаля, с которым, как и с Кюстином, был знаком лично и творчество которого высоко ценил (Моруа, 1988: 412). Бальзак пытался быть объективным, по его мнению, Россию всегда «позорили и поносили», а «между тем в интересах Европы рассмотреть Россию более пристально...» (Бальзак, 2002: 3). Своей грандиозностью и масштабом страна и пугала, и восхищала его. Как и Кюстин, он был убежденным монархистом. Но если под влиянием увиденного маркиз изменил свое мнение, то Бальзак остался при своих убеждениях. Его не возмущало, как Кюстина, что людьми торгуют, как вещами. И если крепостное право для маркиза являлось олицетворением деспотизма, то Бальзак, напротив, выступал его апологетом: в крепостном праве он видел вполне определенные положительные моменты. Рабство в России, по его мнению, «из зла превращается в источник счастья и покоя». В самом деле, отчего же крестьянину не быть счастливым, если у него есть «собственный кусок земли», право распоряжаться урожаем взамен на трехдневную отработку на помещика при минимальных налогах. При этом «работают крестьяне скверно». Автор резюмирует: «Крестьянин при нынешнем порядке вещей живет беззаботно, как у Христа за пазухой» (Бальзак, 2002: 31). По меньшей мере странно читать подобные заявления, вышедшие из-под пера серьезного писателя, привыкшего реалистично смотреть на жизнь. Рисуя идеалистические картины крестьянской жизни, Бальзак изменяет жизненной правде. Вера в преимущество монархической власти у него так велика, что он не хочет замечать очевидного. Крестьян он характеризует «двумя словами: варварское невежество». Свобода им противопоказана, так как они ее «поймут исключительно как возможность напиваться до бесчувствия». Власть помещика, по мнению писателя, спасает Россию от тотального пьянства. И это в его глазах оправдывает российский деспотизм (Бальзак, 2002: 15-16).

Покорность как характерная черта русского народа выделялась и Кюстином, и Бальзаком. «Покорность, покорность, несмотря ни на что, покорность с опасностью для жизни, покорность даже тогда, когда покорность бессмысленна и противоестественна» (Бальзак, 2002: 16). Писатель противопоставлял Россию Франции и Польше, народы которых «решительно неспособны к повиновению». Верность этих выводов подтверждают и реальные факты. В 1864 г. на одном из этапов в Вятской губернии произошел конфликт. Польские арестанты набросились на конвой. Причиной бунта послужил приказ надеть наручники на зачинщиков, которые оскорбляли конвоиров (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 3-4). Даже в заключении поляки не смирились и вели себя вызывающе. Покорность, по мнению Бальзака, объединяет народ вокруг власти. Это делает власть сильной, а сильная Россия – это угроза для Европы. «Если когда-нибудь Россия завоюет мир, она будет обязана этим исключительно покорности ее обитателей» (Бальзак, 2002: 17). Бальзак повторяет стереотип об угрозе Европе, исходившей от России. «Мне не составит труда показать, что русские созданы для того, чтобы покорять другие народы, и в этом им нет равных», – утверждал он (Бальзак, 2002: 17).

Как увлекательное приключение воспринимал свое путешествие по России Александр Дюма. По мнению А. Моруа, «Дюма никогда не отличался точностью, однако его рассказы по возвращению из России превзошли приключения Монте-Кристо» (Моруа, 1986: 296). И Моруа можно верить, поскольку, как серьезный исследователь, к процессу создания биографии Дюма он привлекал письма, воспоминания, ранее не опубликованные документы. Любившего путешествовать Дюма Россия уже давно привлекала своим масштабом и новизной. Однако попасть в пределы империи ему удалось не сразу. Николай I не мог простить Дюма романа «Записки учителя фехтования», героями которого стали декабрист Иван Анненков и его французская жена Полина Гебль. Роман был написан на основе воспоминаний Огюстена Гризье, который преподавал фехтование элите московского общества. Российскую жизнь писатель видел глазами учителя, иногда приукрашивая ее. Выявлять неточности, отступления от истины, которыми грешит роман, в рамках статьи не представляется возможным. Но Дюма не был бы Дюма, если бы этих отступлений не произошло.

Тема декабристов в России была под запретом. Правительство сделало все, чтобы о них забыли навсегда. Роман Дюма не позволил сделать этого. Его сочувственное отношение к жертвам царского произвола для европейской общественности послужило основанием для оправдания действий декабристов. Произведение Дюма лишний раз подтверждало верность существовавшего в Европе негативного мнения относительно российского деспотизма. Уже описание первых впечатлений, полученных Гризье, свидетельствует о его наблюдательности и проницательности. «При беглом знакомстве население Петербурга отличается одной характерной особенностью: здесь живут либо рабы, либо вельможи – середины нет», – констатирует автор (Дюма, 1988: 23). Характеристика русских «вельмож, столь подобоострастных с царем и столь заносчивых с подчиненными» (Дюма, 1988: 45), вложенная автором в уста Луизы, полностью совпадает с мнением Кюстина о столичных аристократах. Отсутствие элементарных правовых норм, безнаказанность и произвол властей, показанные в романе на конкретных примерах, лишний раз убеждали европейского читателя в верности сформировавшегося стереотипа относительно русского варварства.

Въезд в Россию для Дюма стал возможен только после смерти Николая I. Петербург, Москва, Кострома, Нижний Новгород (где он познакомился с Анненковыми – героями своего романа), Казань, Царицын, Астрахань, Кавказ – вот примерная география его путешествия. Встречали его везде очень радушно. Он интересовался обычаями народов, их кухней, делился секретами французской кулинарии, сам научился готовить шашлык, описывал пейзажи и города по пути следования. Светские салоны Петербурга с восторгом принимали Дюма. Но профессиональные литераторы весьма сдержанно отнеслись к нему. Уж слишком легким и несерьезным казалось им все, что выходило из-под пера писателя. Вопросы экономической и правовой жизни России, казалось, совсем не интересовали его. Он считал путешествие по России исключительно легким и приятным, отмечая, что при наличии рекомендательного письма в этой стране не о чем беспокоиться, поскольку в этом случае вам предоставят все необходимое: и жилье, и еду, и средство передвижения (Дурьлин, 1937: 540). Таким образом, окруженный заботой и вниманием, Дюма был лишен возможности видеть реальную, не праздничную жизнь России, а для русского правительства, которое неустанно следило за ним, он оказался не опасен. Путевые записки Дюма на фоне его романа о декабристах выглядят неким диссонансом. Их легковесность и веселость скорее развлекают читателя, чем заставляют задуматься над тем, что же на самом деле происходило в России.

Совсем другой характер носило путешествие Джорджа Кеннана. Целью его поездки была не просто Россия, а Сибирь. Этот регион всегда занимал особое место в социокультурном пространстве России, вызывая живой интерес со стороны как российских, так и иностранных исследователей. Во многом благодаря их сведениям формировалось представление о Сибири, складывался вполне определенный ее образ (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 974). Ко времени путешествий Кеннана в сознании иностранцев уже сложился устойчивый стереотип восприятия Сибири как места каторги и ссылки, места страшного, гибельного и дикого, возврата из которого нет (Gryaznukhina et al., 2017: 813).

В Россию Кеннан приехал как участник русско-американской экспедиции, целью которой являлась прокладка американо-европейской телеграфной линии через Берингов пролив. В 1865 г. состоялось его первое путешествие в Сибирь. Заметки этого периода наполнены в основном этнографическим материалом. Социальные, политические вопросы находились пока еще вне сферы его интересов. К последующим своим путешествиям он готовился с особой тщательностью: изучал русский язык, историю России и Сибири, встречался со знатоками региона. Многие ему дало знакомство с Н.М. Ядринцевым.

Кеннан отправился в Сибирь в полной уверенности, что это «не такое страшное место, каковым ее всегда представляли американцы», и «был всячески настроен в пользу русского правительства и против русских революционеров» (Кеннан, 1999а: 73-74). Но столкновение с действительностью привело к тому, что взгляды Кеннана изменились на противоположные. Результатом этого путешествия стала книга «Сибирь и ссылка», в которой нашло свое отражение все увиденное, услышанное и прочувствованное автором. Книга пользовалась большой популярностью среди современников. Рассказывая о том, что представляли собой каторга и ссылка на самом деле, Кеннан своей книгой нанес большой урон престижу самодержавия в глазах мировой общественности.

Уже при выезде из Петербурга американских путешественников многое поражало. «Нам все казалось необычным, более примитивным и в известном смысле диким» (Кеннан, 1999а: 91). Увиденное не соответствовало стандартам американской культуры и воспринималось ими как проявление дикости. Почти сразу они столкнулись с полицейским произволом и поняли, «какой неограниченной властью арестовывать и обыскивать по поводу и без повода обладает русская полиция» (Кеннан, 1999а: 93). Как тут не вспомнить Кюстина, который также писал о правовом беспределе. «Сильное впечатление» произвели «убогие, унылого вида» западносибирские деревни. Они произвели на американца впечатление беспомощности, бедности и нищеты. Но надо отдать должное проницательности Кеннана. Он оговаривается, что это впечатление обманчиво, что «люди живут более или менее зажиточно». Но «состояние, в котором находится вся деревня, говорит об отсутствии инициативы и предприимчивости у ее жителей». Винит он в этом «парализующее влияние излишне мелочной, все регулирующей политики правительства», «когда ничего нельзя сделать без разрешения официальных представителей короны» (Кеннан, 1999а: 121). Кеннан постоянно сравнивает Сибирь и Соединенные Штаты: климат, городские пейзажи, людей. И сравнение это иногда бывает в пользу Сибири. Так он пишет о том, что «лица большинства арестантов не выглядели такими суровыми, злыми и порочными, как лица американских преступников» (Кеннан, 1999а: 154). Отмечает, что «Томская губерния не совсем бесплодна или нецивилизована», и добавляет, что если бы ее заселяли американцы, то она давно бы процветала, как любой американский штат (Кеннан, 1999а: 265).

С восхищением Кеннан писал о музее, организованном на основе ботанических и геологических коллекций в Минусинске Н.М. Мартьяновым (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3535). Благодаря своим богатым собраниям, музей был известен специалистам в Европе и Америке. Мартьянов в своей деятельности опирался на поддержку и сочувствие политссыльных, в частности Александра Кропоткина. Только на Енисейскую губернию одних ссыльных поляков приходилось 4419 человек (ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 13. Л. 170). Однако общая культурная отсталость региона поражала Кеннана. Наблюдая шествие крестьян с иконой, он испытал чувство, что словно перенесся в XI век. Он никогда «не видел такой страшной средневековой картины»: «босоногих крестьян, идущих с непокрытыми головами по грязной лесной дороге, не обращая внимания на проливной дождь и распевая при этом торжественные церковные гимны». Казалось, они «отправились в поход, чтобы присоединиться к великой рати крестоносцев» (Кеннан, 1999а: 161). Но целью его путешествия были все же политические ссыльные. Он ищет общения с ними. И при знакомстве обнаруживает, что они образованны, знают английскую и американскую историю и литературу. То, что он узнал, не соответствовало представлениям, сложившимся у него в Америке о нигилистах. Не встретив нигилистов в Западной Сибири, он думал, что может быть встретит их «в более глухих и отдаленных местах» (Кеннан, 1999а: 227). На деле оказалось, что «дикие, фанатичные нигилисты» жили лишь в его воображении. Политические ссыльные с достоинством переносили свои страдания, которые «не имеют аналогов в цивилизованном мире за пределами Российской империи» (Кеннан, 1999а: 339). Состояние тюрем было ужасным, показатели смертности гораздо выше, чем в других странах. Свои выводы Кеннан подтверждал статистическими данными. Среди политических были в основном образованные люди: студенты, врачи, химики, литераторы, публицисты, землевладельцы, юристы, многие знали английский язык. По мнению Кеннана, неразумно было ссылать таких людей в Сибирь. По своим взглядам в цивилизованных странах они относились бы к умеренным либералам (Кеннан, 1999а: 232). Ему казалась «совершенно нелепой» мысль о том, что могущественное правительство не может справиться с учительницами воскресных школ иначе, как только отправив их в Сибирь. То, что в России человек может быть арестован без ордера, выслан в любое место империи, лишен любых средств самозащиты, по мнению Кеннана, является недопустимым для цивилизованной страны. Перечисляя многочисленные факты произвола, он приходит к заключению, что «терроризм не кажется неестественным и необъяснимым явлением» (Кеннан, 1999а: 237). Напротив, это естественный результат проводимой властями политики. Как «кошмарный сон» (Кеннан, 1999а: 253) воспринимает он увиденное в России, и это, по его мнению, ставит ее вне рамок цивилизованного сообщества.

5. Заключение

Иметь представление об образе России, сложившемся на Западе, важно прежде всего для самой России. Это представление помогает понять самих себя, осознать то, что ждут от тебя другие культуры, позволяет установить межкультурный диалог и достичь взаимопонимания. При этом необходимо учитывать то, что образ одной культуры в представлении другой не всегда соответствует действительности, что формируется он под воздействием вполне определенных политических обстоятельств и под влиянием идеологических установок. Не следует игнорировать и долю стихийного элемента. Сформированные стереотипы восприятия народами друг друга носят длительный и устойчивый характер. Образ России, создававшийся в иностранных печатных изданиях, во многом зависел от авторской лояльности или предубежденности авторов, мнения которых по разным вопросам часто не совпадали. Разным мог быть и подход в освещении отдельных событий. Вдумчивая и взвешенная позиция Кеннана, желание разобраться в происходящем Кюстина

противостоят легковесному подходу Дюма и нежеланию углубляться в суть происходивших явлений Бальзака. Но, несмотря на различие позиций по отдельным вопросам, авторы XIX века были едины в одном: Россия – это не Европа и в цивилизационном отношении отстает от нее.

Россия продолжает оставаться в поле зрения уже современных зарубежных исследователей, на основе анализа трудов которых можно сделать вывод, что стереотипы, сформированные в XIX веке, с течением времени изменились мало. Отсутствие демократических ценностей, правовой культуры и самого понятия «человеческое достоинство», запоздалое проведение реформ XIX в. и излишняя централизация власти не позволяли России на равных войти в европейское сообщество. Именно эти причины обуславливали противопоставление России Европе. Русская интеллигенция XIX в. была согласна с этим. В частности, В. Поленов в одном из писем писал об отмене крепостного права, что «все это должно было совершиться 28 лет тому назад. Тогда удалось бы избежать и убийства Александра II», и многого другого (ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 41. Л. 15). Россия в массовом сознании многих иностранцев как страна европейская не воспринималась. Признавая отдельные достижения русской культуры, европейцы все же не ставили Россию вровень с собой. Преодоление цивилизационного разрыва может быть возможным на пути синтеза правовых институтов запада и национальных культурных традиций.

Литература

- Бальзак, 2002 – Бальзак О. Письмо о Киеве // *Пинакотека*. 2002. № 13/14. С. 1-53.
- Белгородская, 2006 – Белгородская Л.В. Образ Российской империи в зеркале англо-американских справочно-энциклопедических изданий XX в. Красноярск, 2006. 200 с.
- Биллингтон, 2006 – Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., 2006. 224 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Дурылин, 1937 – Дурылин С.Н. Александр Дюма-отец и Россия // *Литературное наследство*. 1937. № 31–32. С. 491-562.
- Дюма, 1988 – Дюма А. Учитель фехтования. Новеллы. Казань. 1988. 320 с.
- Дюма, 2009 – Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию. М., 2009. 784 с.
- Кеннан, 1999а – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885–1886 гг.). В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. 391 с.
- Кеннан, 1999б – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885–1886 гг.). В 2 т. Т. 2. СПб., 1999. 399 с.
- Кюстин, 1990 – Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. 352 с.
- Моруа, 1986 – Моруа А. Три Дюма. Литературные портреты. М., 1986. 672 с.
- Моруа, 1988 – Моруа А. Прометей, или жизнь Бальзака. М., 1988. 640 с.
- Останина, 2019 – Останина М.А. Путевые заметки Джона Белла о поездке через Азиатское пространство (1719–1721 гг.) как источник материалов о Сибири в Европе и России в XVIII–XIX веках // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 2 (75). С. 571-574.
- Ощепков, 2010 – Ощепков А.Р. Россия в письмах и дневниках Стендаля // *Русский язык за рубежом*. 2010. № 2. С. 96-104.
- Ощепков, 2011 – Ощепков А.Р. Бальзаковская Россия // *Знание. Понимание. Умение*. 2011. № 2. С. 180-185.
- Партаненко, Ушаков, 2006 – Партаненко Т.В., Ушаков В.А. Взаимовосприятие России и Запада (XVIII – первая половина XIX века). СПб., 2006. 154 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Российская империя, 2004 – Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж. 2004. 472 с.
- Соколофф, 2008 – Соколофф Ж. Бедная держава: история России с 1815 года до наших дней. М., 2008. 882 с.
- Стендаль, 1959 – Стендаль Ф. Собр. соч. в 15 т. М., 1959. Т. 15. 367 с.
- Харламова, 2011 – Харламова Д.В. Русские сюжеты Стендаля (к годовщине Отечественной войны 1812 года) // *Научная мысль Кавказа*. 2011. № 3. С. 100-104.
- Хоскинг, 2003 – Хоскинг Дж. Россия и русские. В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. 494 с.; Кн. 2. 492 с.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4, pp. 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T. et al. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes // *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3, pp. 811–820.

References

- Bal'zak, 2002 – Bal'zak O. (2002). Pis'mo o Kieve [A letter of Kiev]. *Pinakoteka*, № 13/14, pp. 1-53. [in Russian]
- Belgorodskaya, 2006 – Belgorodskaya L.V. (2006). Obraz Rossijskoj imperii v zerkale anglo-

amerikanskih spravочно-enciklopedicheskikh izdaniy XX v. [The image of the Russian Empire in the mirror of Anglo-American reference and encyclopedic publications of the XX century]. Krasnoyarsk, 200 p. [in Russian]

Billington, 2006 – *Billington D.* (2006). Rossiya v poiskah sebya [Russia in search of itself]. M., 224 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk territory].

GATO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of the Tomsk territory].

Durylin, 1937 – *Durylin S.N.* (1937). Aleksandr Dyuma-otec i Rossiya [Alexander Dumas-father and Russia]. *Literaturnoe nasledstvo*. № 31-32, pp. 491-562 [in Russian]

Dyuma, 1988 – *Dyuma A.* (1988). Uchitel' fekhтовaniya. Novelly [Swordmaster. Stories]. Kazan, 320 p.

Dyuma, 2009 – *Dyuma A.* (2009). Iz Parizha v Astrahan'. Svezhie vpechatleniya ot puteshestviya v Rossiyu [From Paris to Astrakhan. Fresh impressions from your trip to Russia]. M., 784 p. [in Russian]

Kennan, 1999a – *Kennan Dzh.* (1999). Sibir' i ssylka: putevye zametki (1885–1886 gg.). V 2 t. T. 1 [Siberia and exile: travel notes (1885–1886). In 2 volumes. V. 1]. Saint-Petersburg, 391 p. [in Russian]

Kennan, 1999b – *Kennan Dzh.* (1999). Sibir' i ssylka: putevye zametki (1885–1886 gg.). V 2 tt. T. 2 [Siberia and exile: travel notes (1885–1886). In 2 volumes. V. 2]. Saint-Petersburg, 399 p. [in Russian]

Kyustin, 1990 – *Kyustin A.* (1990). Nikolaevskaya Rossiya [Nicholas' Russia]. M., 352 p. [in Russian]

Morua, 1986 – *Morua A.* (1986). Tri Dyuma. Literaturnye portrety [Three Dumas. Literary portraits]. M., 672 p. [in Russian]

Morua, 1988 – *Morua A.* (1988). Prometej ili zhizn' Bal'zaka [Prometheus or the life of Balzac]. M., 640 p. [in Russian]

Ostanina, 2019 – *Ostanina M.A.* (2019). Putevye zametki Dzhona Bella o poezdke cherez Aziatskoe prostranstvo (1719 – 1721 gg.) kak istochnik materialov o Sibiri v Evrope i Rossii v XVIII – XIX vekah [John bell's travel notes on a trip through Asian space (1719–1721) as a source of materials about Siberia in Europe and Russia in the XVIII-XIX centuries]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. № 2 (75), pp. 571-574 [in Russian]

Oshchepkov, 2010 – *Oshchepkov A.R.* (2010). Rossiya v pis'mah i dnevnikh Stendalya [Russia in Stendhal's letters and diaries]. *Ruskij yazyk za rubezhom*. № 2, pp. 96-104 [in Russian]

Oshchepkov, 2011 – *Oshchepkov A.R.* (2011). Bal'zakovskaya Rossiya [Balzac Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 2, pp. 180-185 [in Russian]

Partanen, Ushchakov, 2006 – *Partanen T.V., Ushakov V.A.* (2006). Vzaimovospriyatie Rossii i Zapada (XVIII - pervaya polovina XIX veka) [Mutual perception of Russia and the West (XVIII – first half of the XIX century)]. Saint-Petersburg, 154 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].

Rossijskaya imperiya, 2004 – Rossijskaya imperiya: strategii stabilizatsii i opyty obnovleniya [The Russian Empire: stabilization strategies and renewal experience]. Voronezh. 2004. 472 p. [in Russian]

Sokoloff, 2008 – *Sokoloff ZH.* (2008). Bednaya derzhava: istoriya Rossii s 1815 goda do nashih dnei [Poor power: the history of Russia from 1815 to the present day]. M., 882 p. [in Russian]

Stendal', 1959 – *Stendal' F.* (1959) *Sobr. soch. v 15 tt.* [Collected works in 15 volumes]. Moscow, V. 15, 367 p. [in Russian]

Harlamova, 2011 – *Harlamova D.V.* (2011). Russkie syuzhety Stendalya (k godovshchine Otechestvennoj vojny 1812 goda) [Stendhal's Russian stories (for the anniversary of the Patriotic war of 1812)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. № 3, pp. 100-104. [in Russian]

Hosking, 2003 – *Hosking Dzh.* (2003). Rossiya i russkie. V 2 kn. [Russia and Russians. In 2 books]. M., V. 1. 494 p.; Kn. 2. 492 p. [in Russian]

Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.

Gryaznukhina et al., 2017 – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T. et al.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3, pp. 811-820.

Исторические стереотипы иностранных путешественников о России XIX века

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *},
Лариса Федоровна Малютина ^a, Людмила Вениаминовна Белгородская ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Принципы ментального взаимодействия России как одной из могущественных держав XIX в. с западными странами лежат в основе вопросов, рассматриваемых в данной статье.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина), blv.kr@yandex.ru (Л.В. Белгородская)

В ходе исследования выявлено, что характер диалога во многом был предопределен стереотипами, сложившимися в сознании европейцев еще в предшествующие века. Реалии XIX в. лишь убеждали иностранцев в их верности. Отношение к России как стране нецивилизованной, дикой и варварской было обусловлено прежде всего политическим строем страны. Самодержавная власть, крепостное право, отсутствие правовой культуры – эти факторы, по мнению иностранцев, давали все основания считать Россию страной нецивилизованной. Для подтверждения верности этих выводов в статье используются свидетельства и высказывания иностранных путешественников и писателей, побывавших в России в XIX в. При разной степени лояльности к существовавшему режиму они были едины в оценке России как страны второразрядной, не имевшей ничего своего, лишь слепо копирующей достижения западной культуры. Это, однако, не мешало им сочувственно относиться к простому народу, признавать его таланты и верить, что когда-нибудь он освободится от своей рабской покорности. Проведенный авторами анализ современных иностранных исследований о России показывает, что стереотипы восприятия нашей страны, сформированные в XIX в., носят длительный и устойчивый характер. Изменить их вектор в желательном, позитивном для нас направлении является одной из важных задач российского общества, решение которой необходимо для налаживания конструктивного диалога в целях собственной же безопасности и устойчивого развития.

Ключевые слова: Россия, Европа, Сибирь, иностранцы, путешествия, цивилизация, диалог, стереотип, культура.